

Пушкин А.С.

фест. „Пушкин & Гете“)

22.5.99,

105

Впервые в истории культурных взаимоотношений России и Германии в Москве прошел международный фестиваль «Пушкин – Гете», посвященный 200-летию со дня рождения А.С.Пушкина и 250-летию Вольфганга Гете, под патронажем министерств иностранных дел двух стран и мэрии столицы.

Сама по себе эта художественная акция выглядела красиво и многообещающе для дальнейших контактов русского и немецкого искусства. Ведь не случайно в буклетах, выпущенных к фестивалю, с добрыми пожеланиями в адрес его участников выступили министры иностранных дел Игорь

сказывал народное представление о себе: «Там будет Пушкин, он весь яблочный, а зад у него сахарный».

Зритель, можно сказать, бежал на встречу с высоким искусством, торопился услышать великое слово любимых писателей, а ему вместо этого подсовывали шарады и

ФОТО ВИКТОРА БАЖЕНОВА.

Свидетели гибели поэта в спектакле «Пушкин. Дуэль. Смерть».

НЕ В РИФМУ С ПУШКИНЫМ И ГЕТЕ

Иванов и Йошка Фишер, а также мэр Москвы Юрий Лужков. Все было бы прекрасно, если бы... Если бы после первого концерта большого симфонического оркестра имени П.И.Чайковского, исполнившего «Осуждение Фауста» Гектора Берлиоза в Московской консерватории, по мере движения фестиваля не возникло так много вопросов к его программе.

Скажем, почему при отборе драматических спектаклей как с немецкой, так и русской стороны предпочтение отдавалось постановкам авангардистского характера, где слово подменялось видеокартинками, замысловатыми пластическими дивертисментами?

В этом случае справедливее было бы назвать фестиваль: «Пушкин и Гете в авангардной культуре», и тогда с самого начала все было бы ясно. Или, например, во время фестиваля проходила выставка «Пушкин как объект кича», где поэт изображался на пачках папирос, плитках шоколада и так далее. Тоже интересная история... Тем более что сам Пушкин когда-то с иронией пред-

ребусы «под маркой» Пушкина и Гете. Так, директор немецкого культурного центра имени Гете в Москве Кан-Аккерманн с гордостью объявил перед началом спектакля Бориса Юхананова «Фауст», что это первая в России «полнометражная» постановка произведения великого Гете. Но тот, кто никогда прежде не читал «Фауста», так из спектакля до конца и не понял, почему все-таки доктор Фауст решил продать свою душу Мефистофелю и о каком таком прекрасном мгновении в жизни знаменитого чернокожника идет речь, ради которого он пошел на сделку с дьяволом?

В процессе самого спектакля эта вечная тема борьбы добра со злом куда-то исчезла под напором бессмысленных режиссерских трюков. А Фауст и Мефистофель в современных черных костюмах больше напоминали двух ведущих гала-концерта, где певцов вокального ансамбля «Аве Мария» сменяли фокусники и дрессировщики с веселой командой кошек и собак. Поэтому в первую очередь хотелось поздравить с дебютом

сына Куклачева — Дмитрия, который доказал, что кошки могут быть намного органичнее и сообразительнее артистов, скандирующих философский текст Гете, как на пионерском утреннике.

Не менее захватывающими с точки зрения «сверхоригинальной» формы были и другие два спектакля немецких режиссеров Юргена Крузе «Прафауст» и Штефана Шмидке «Клавиго» по малоизвестной пьесе Гете. И вновь звучала мощная рок-музыка, заглушающая голоса артистов, и вновь возникало ощущение, что это марсиане сошли на землю и им сподручнее объясняться знаками, жестами, но не словами...

Если бы на фестивале не было спектакля Камы Гинкаса «Пушкин, любовь, смерть», «сочиненного» им на основе писем, дневников, высказываний современников Пушкина, то у зрителей сложилось бы впечатление, что в России напрочь перевелись режиссеры, опирающиеся на творческий опыт русской театральной школы, а не заимствованной неуклюже с Запада.

Сегодня считается «писком моды» раззять пушкинскую гармонию, сделать из «Фауста» банальную историю про фокусы дьявола с Фаустом и, объединив все это вместе, назвать постмодернизмом. Конечно, такого рода постановки ничего, кроме горькой усмешки, в юбилейный год двух гениев вызвать не могут. Нынешние горе-художники используют их в качестве «игральных карт» для достижения своего личного успеха. Ну что ж, и это предвидел Пушкин:

*Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума,
Да здравствует солнце,*

да скроется тьма!

Поэтому, если современный театр хочет на самом деле по-настоящему приобщиться к творческому наследию великих поэтов, способствуя тем самым взаимопониманию народов России и Германии, то ему, думается, надо бы по крайней мере избавиться от фамильярности и дурновкусия, да и вообще хорошенько «почистить» себя под Пушкиным и Гете...

Любовь ЛЕБЕДИНА.

Труд. - 1999. - 22 мая. - с. 5